ЛИЧИНКА И МОТЫЛЕКЪ.

У, друзья мои, дождались вы меня, говорила бабушка, входя въ столовую и цѣлуясь съ сыномъ и трепля внучатъ.

— Ну что, матушка, какъ застали вы Машу, что ребенокъ? спрашивалъ Михаилъ Павловичъ.

— Да что, малютка не жилица, до вечера едва ли доживетъ, а Маша плачетъ; безпрестанно принимаетъ капли, растираютъ ее разными спиртами, въ спальнѣ ея такая духота, что я немного побыла, а виски и сердце забились. Совѣтовала ей прокатиться, но она не рѣшилась, а напрасно: свѣжій воздухъ лучше бы ее поправилъ. Но вотъ что, другъ мой, дурно, племянница не знаетъ, кому она ввѣрила воспитаніе дѣтей своихъ; представь себѣ, отъ нея прошла я въ классную, и что же я нахожу: дѣти столпились въ кучку около гувернантки и робко что–то слушаютъ, а она съ жаромъ разсказываетъ. Входя, я скрипнула дверью,

всѣ съ крикомъ разбѣжались, слѣдомъ за дѣтьми и сама воспитательница. «Дѣти, дѣти, что вы, куда вы?» кричала я за ними, — но и слѣдъ ихъ простылъ; пошла въ дѣтскую, зову по именамъ: Зиночка, Лиза, Софочка! Наконецъ онѣ меня узнали. «Это вы, бабушка, а мы думали сестрица!» «Какая сестрица?» — «Лили.» — «Да вѣдь она очень больна и ходить не можетъ!» — «Можетъ быть она уже померла мы думали, что она мертвая идетъ...» Тутъ подошла ко мнѣ ихъ умная наставница, и едва переводя духъ, сказала: «Боже мой, какъ я испугалась, просто едва дышу, а я только разсказывала дѣтямъ, какіе бываютъ иногда случаи, а вы тутъ и вошли!» Я дотого была озадачена такимъ вздоромъ, что не вдругъ опомнилась, а гувернантка продолжала: «я буду проситься въ отпускъ на эти дни, потому что ни за что не останусь въ одномъ домѣ съ мертвой.» — «Вамъ бы слѣдовало давно взять отпускъ, сказала я ей, и не стыдно, доживъ до этихъ лѣтъ, не отвыкнуть отъ ребяческихъ глупостей! или быть можетъ вы шутя пугаете дѣтей?

Посмотрите, Зинаидѣ двѣнадцать лѣтъ, а вѣдь она вамъ повѣрила, вздору дѣти всегда скорѣе вѣрятъ чѣмъ правдѣ.»

— Надо мнѣ съ бѣдными дѣтьми потолковать, сказала озабоченная старушка. Ты, Михайло, съѣздилъ бы послѣ обѣда, да привезъ бы ихъ къ намъ.

— Очень охотно, матушка, а что, и мои дѣтки не боятся ли мертвыхъ? привѣтливо говорилъ отецъ, поглядывая то на того, то на другаго.

Саша сидѣла молча и глядѣла на старушку; Миша, какъ бы скрѣпясь, вдругъ крикнулъ: «бабушка, ты не боишься мертвыхъ?»

— Нѣтъ, мой другъ, спокойно и рѣшительно сказала старушка, не боюсь; когда отецъ твой былъ маленькій, какъ ты, то училъ глупыхъ деревенскихъ мальчишекъ не бояться ни мертвыхъ, ни могилъ.

— И я никогда не стану бояться! сказалъ Миша. А ты, Саша? спросилъ онъ сестру.

Саша сидѣла задумавшись и ничего не отвѣчала.

— Я замѣчаю, что мои внучатки стали привыкать ко ржаному хлѣбу, сказала бабушка, чтобы перемѣнить разговоръ.

Миша высоко поднялъ оставшуюся нижнюю корочку, говоря: «у меня только осталось, видишь?»

— Хорошо, Миша, привыкай, не будь нѣженкой.

— Бабушка, я также всегда стараюсь ѣсть ржаной хлѣбъ, но сегодня мнѣ ничего не хочется, вотъ и пирожокъ остался, говорила Саша, показывая едва надкусанный пирожокъ.

——

Послѣ обѣда бабушка пошла отдыхать, отецъ уѣхалъ провѣдать сестру, а дѣти остались вдвоемъ: имъ было что–то дико и странно. Они ходили вдвоемъ по залѣ и гостиной; пристегнувъ новую саблю свою, Миша бодро побрякивалъ ею, вертясь около сестры.

— Саша! я ничего не боюсь, говорилъ онъ, и стану пріучать племянницу не бояться мертвыхъ!

— Я также хочу учить, нерѣшительно сказала дѣвочка, это такъ невесело бояться, только я не умѣю учить.

— Вотъ не умѣю, да вѣдь папа же училъ деревенскихъ мальчишекъ!

— Ахъ, Миша, такъ вѣдь папа умѣлъ!

— И я умѣю, самонадѣянно сказалъ мальчикъ.

Въ бабушкиной комнатѣ еще нѣтъ огня, только передъ кіотомъ мерцаетъ лампада; старушка прилегла было немножко отдохнуть, а вотъ спитъ уже около двухъ часовъ; быть можетъ ей во всю ночь не придется отдохнуть; она обѣщала племянницѣ пріѣхать свечера и остаться около умирающей; и вотъ слышитъ она впросонкахъ дѣтскіе голоса: «А вотъ я пойду, я ей это скажу,» такъ, грозясь, кричалъ Миша обиженнымъ голосомъ. «Миша, тихонько!» кричатъ нѣсколько голосовъ, и старушкѣ слышно, что ребенокъ крадется по корридору.

— Ми–и–ся, протяжно запищала Софочка, тамъ темно! — Я ничего не боюсь, забывшись бойко и громко отвѣчаетъ Миша, и на цыпочкахъ бочкомъ пролѣзаетъ къ бабушкѣ, въ пріотворенную дверь. А бабушка уже сидитъ и завязываетъ чепецъ.

За мальчикомъ вбѣжала толпа пріѣхавшихъ дѣтей: «Бабушка, Зина говоритъ....» — «Да постойте, кричалъ Миша дѣтямъ, которыя всѣ шумѣли и другъ передъ другомъ торопились поздороваться съ бабушкой. — Пустите, дайте мнѣ разсказать, продолжалъ нетерпѣливо Миша: Зина говоритъ, что ты говоришь неправду, и сама также боишься мертвыхъ, — какъ и всякій человѣкъ ихъ боится!»

— Когда, когда я тебѣ говорила? затарантила дѣвочка, вотъ и стыдно лгать!

— Нѣтъ, ты говорила, закричалъ обиженный мальчикъ.

— Постой, Миша, перебилъ Сережа, Зиночка вотъ что сказала: «бабушка говоритъ это только такъ, а всѣ на свѣтѣ боятся мертвыхъ.»

— Ну видишь, моя правда, закидывая на бокъ голову, проговорилъ Миша.

— Что же, я не сказала про бабушку, что она говоритъ неправду, отвѣчала Зина.

— Ты была вѣжливѣе, мой другъ, но если подумаешь да разберешь, то увидишь, что смыслъ почти тотъ же, сказала бабушка, усаживаясь на свое мѣсто.

Дѣти ее окружили, и Саша, присѣвъ на скамеечку и положа руки на старушкины колѣни, задумчиво глядѣла ей прямо въ глаза, и спросила: — Ты ничего не боишься, бабушка?

— Какъ, дружокъ, ничего! я очень многаго боюсь! — Дѣти въ изумленіи переглянулись. — Я боюсь прогнѣвить Бога, т. е. не послушаться Его заповѣдей; я боюсь обидѣть или огорчить кого нибудь; я боюсь не слушаться царя и его законовъ; ну, еще боюсь всего вреднаго мнѣ или другимъ; боюсь ядовитой змѣи, боюсь вреднаго кушанья...

— А мертвыхъ? въ нѣсколько голосовъ спросили дѣти. А Лили?

— По мертвымъ я скучаю. Лили мнѣ будетъ жаль, потому что не увижу болѣе милаго ребенка. Да вотъ что, дѣти, знаете ли вы что такое умирать? — Бабушка взяла Зиночкину и Сашину руки въ свою, а увидя это, Миша и Лиза протянули и просунули свои ручонки туда же. — Умирать, значитъ: перестать жить на землѣ, а начать жить на небѣ. Когда Господу угодно человѣка взять къ себѣ, тогда человѣкъ или душа сбрасываетъ одежду, т. е. тѣло, вотъ это, которое видимъ на себѣ и другъ на другѣ, вотъ это — и бабушка потрясла четыре дѣтскія ручонки въ своихъ. — Душа бросаетъ тѣло, какъ вы сбрасываете съ себя платья. Снятыя платья и башмаки не ходятъ безъ васъ и не шевелятся; такъ ли, дѣти? спросила бабушка.

— Конечно, разумѣется! закричали всѣ въ голосъ.

— Ну вотъ, точно также тѣло, брошенное душою, не ходитъ и не шевелится, а лежитъ, какъ пустая выползинка или личинка. Что такое душа? хотите вы спросить. Это вы сами, кромѣ

тѣла, то, что въ васъ думаетъ, соглашается, хочетъ, не хочетъ, сердится и любитъ. Миша и Лиза протянули руки ко мнѣ, это душа ихъ подумала и захотѣла. Дѣти молча смотрѣли на бабушку. — Давича Миша разсердился на Зиночку — и это душа его сердилась. Теперь вы всѣ слушайте меня, это слушаютъ души ваши, чрезъ уши, какъ чрезъ окошечко.

— Бабушка, душа моя такъ любитъ тебя, говорилъ Сережа, обнимая бабушку, — я все слушалъ бы тебя!

— И мы, мы также, кричали дѣти безъ умолку, цѣлуя старушку.

— Вѣдь вы выводили бабочекъ изъ гусеницъ? спросила бабушка, — кто изъ васъ видалъ, какъ вылетаетъ бабочка изъ личинки своей?

— Я, я, мы видѣли, говорили дѣти.

— Кто же бы подумалъ, глядя на личинку, продолжала бабушка, что въ ней растетъ такая красивая бабочка? Она покидаетъ личинку, какъ душа тѣло, и обѣ, т. е. и душа, и бабочка забываютъ о тѣлѣ, какъ о вещи болѣе непригодной. Сережа,

скажи мнѣ, куда ты дѣвалъ сброшенныя бабочками личинки?

— Я не знаю, я ихъ просто бросалъ, отвѣчалъ Сережа.

— Почти то же случается съ нами, только мы кладемъ въ гробъ и зарываемъ свои личинки въ землю.

— Бабушка, когда я помру, то жива буду? спросила Саша, которая, какъ дитя неиспорченное, была склонна къ размышленью.

Много евангельскихъ изреченій мелкнуло въ умѣ старушки въ отвѣтъ внучкѣ, но они были бы неумѣстны, потому что дѣти были очень запущены въ понятіяхъ вѣры. Священную исторію они прочитали тупо, безъ всякаго соображенья, читали ее, какъ всякій другой разсказъ, или какъ волшебную сказку; съ ними обо всемъ, касающемся вѣры, должно было начинать сначала.

— Да, Сашенька, сказала бабушка, хоть и помрешь а все жива будешь, вѣдь человѣкъ умираетъ тогда, какъ я вамъ это

уже говорила, когда настанетъ пора душѣ сбросить тѣло и идти жить въ небѣ.

— Бабушка, сказалъ Алеша, лучше всегда жить на землѣ а не умирать!

— Нѣтъ, дружокъ, усмѣхнувшись на дѣтскую недальновидную мысль, отвѣчала старушка. — Тотъ, Кто создалъ для насъ землю, знаетъ и опредѣляетъ срокъ каждаго изъ насъ, долго ли на ней жить; Онъ, Господь нашъ, знаетъ, что для насъ лучше, а мы передъ Нимъ — какъ глупыя дѣти передъ родителями; дѣти желаютъ и просятъ того, чего и сами не знаютъ.

— Бабушка, опять перебила Саша, ну, когда я помру, что я въ небѣ буду дѣлать? Здѣсь я и съ папой и съ мамой, и тебя вижу и слушаю, и съ Мишей играю, ну и все такое, а что я буду дѣлать въ небѣ?

— Вотъ забота далась моей дѣвочкѣ, сказала бабушка, смѣясь и цѣлуя внучку; скажи–ка мнѣ вотъ что: когда я зову тебя въ свою комнату, почему ты идешь безотговорочно и не боишься, что тебѣ будетъ скучно или нечего дѣлать?

— Ахъ, бабушка моя! говорила Саша, прижимаясь къ старушкѣ, какъ же можно, скучно! Ты такая добрая, что мы всѣ рады идти къ тебѣ; мы уже знаемъ, что съ тобой всегда весело!

— А не знаешь весело ли, хорошо ли у Господа, который добрѣе всѣхъ бабушекъ, всѣхъ матерей и всѣхъ отцовъ земныхъ! Нѣтъ, Саша моя, только бы ты жила хорошо и послушно на землѣ, послушна заповѣдямъ Господнимъ, помнишь, какъ мы говорили въ рождественскій сочельникъ?

— Помню, помню, бабушка! я даже и имъ всѣмъ разсказывала, отвѣчала Саша, кивнувъ головою на братьевъ и сестеръ.

— Ну, дружокъ мой, продолжала старушка, только бы мы дѣлали свое дѣло, а ужь Отецъ небесный дастъ намъ болѣе радости и счастія, чѣмъ мы вздумать можемъ; каждый человѣкъ найдетъ въ небѣ свою семью, своихъ друзей, которые одинаково думали, одинаково жили, одно съ нами любили, одного желали; и тамъ еще дружнѣе будемъ думать, еще сильнѣе

любить другъ друга, и всѣ вмѣстѣ будемъ любить Отца нашего.

Такъ говорила бабушка, дѣти же задумчиво сидѣли и слушали новыя для нихъ рѣчи.

Чуть свѣтаетъ; бабушка стоитъ надъ кроваткой умирающей Лили, перекладываетъ ее то такъ, то иначе, а та все пищитъ; старушка осторожно взяла ее на руки и усѣлась съ нею въ подушки, на диванъ: крошка успокоилась и заснула; бабушка, не шевелясь, бережно ее держитъ. Около часу продержала она ее такъ; вдругъ Лили глубоко вздохнула, раскрыла глаза, осмотрѣлась, и остановила ихъ на бабушкѣ: видно было, что она узнала ее и обрадовалась ей, хотѣла поднять ручонку, чтобы погладить старушку по лицу, какъ обыкновенно ласкала ее, но рука опустилась, дитя опять закрыло глаза и болѣе не открывало ихъ. Бабушка долго и грустно смотрѣла на малютку; ей вспоминалось былое, не первый ребенокъ

умиралъ на ея рукахъ; но и теперь, какъ тогда, она обратилась съ молитвою къ Тому, по чьей волѣ мы живемъ и умираемъ. Крѣпко и нѣжно поцѣловавъ ребенка, она сказала: «прощай, Лили, дитя Господне, иди къ Отцу нашему!» Подержавъ покойницу еще нѣсколько времени на рукахъ, она тихонько переложила ее въ кроватку; потомъ подошла къ образамъ, и усердно помолившись, написала Сашѣ такую записку: «Господь призвалъ къ себѣ нашу Лили, она улетѣла на небо, какъ улетаетъ бабочка; малютка покинула тѣло, какъ личинку, которую мнѣ хочется убрать цвѣтами. Поѣзжайте съ сестрами въ цвѣтную лавку, возьмите хорошенькихъ цвѣтовъ и пріѣзжайте помочь мнѣ.» Старушка приказала горничной отослать эту записку въ десять часовъ утра, а себя разбудить, какъ только станутъ въ домѣ вставать; затѣмъ написала другую записку Алексѣю Романовичу, совѣтуя ему не привозить Алю для прощанья съ покойницею, чтобы не возбудить въ ней тяжкихъ воспоминаній о матери, — и

сдѣлавъ все это, притворила къ себѣ дверь и заснула тѣмъ тихимъ сномъ, коимъ спятъ люди чистые и вѣрующіе.

Нѣсколько часовъ спустя, бабушка уже укладывала малютку въ боковой комнатѣ, на бархатномъ диванѣ; бѣлое легкое платье, отъ самаго горлышка по кончики ногъ, пышно одѣваетъ ее; она опоясана бѣлою же широкою лентою; на золотистые волоски надѣтъ вѣнокъ изъ свѣжей зелени; фарфоровое личико точно улыбается. Старушка надѣваетъ ей башмаки; послышался шумъ около двери, потомъ Мишинъ голосъ: «пустите меня, я напередъ!» и съ этими словами вошелъ онъ, а за нимъ сестры. Бабушка, надѣвъ башмакъ, нагнулась, крѣпко поцѣловала ножку и привѣтливо кивнула дѣтямъ; всѣ обступили диванъ и молча смотрѣли на покойницу; на робкихъ лицахъ показалась тихая улыбка. Миша первый запрыгалъ и потянулся къ бабушкѣ цѣловаться, говоря: «какая она хорошенькая!» Всѣ дѣти подтвердили въ одинъ голосъ то же. «Правда, правда, дѣти, дайте ка сюда

цвѣты, я развяжу ихъ, мы еще лучше уберемъ тѣло.» Развязавъ цвѣты, она ихъ раздала дѣтямъ, и каждый, другъ передъ другомъ, торопился заткнуть ихъ, то за поясъ, то около шейки, а остатокъ разбросали по всему платью.

Лиза, задумчиво стоявшая передъ покойницей, вдругъ съ громкимъ плачемъ бросилась обнимать и цѣловать ее; доселѣ она еще не понимала своей утраты; сначала глупый страхъ къ мертвой, наведенный на нее безразсудною гувернанткой, потомъ разумная мысль о смерти, поселенная въ ней бабушкой, занимали умъ и удерживали ее, но теперь заговорило сердце. «Ты ушла, Лили, и никогда не вернешься, говорила она рыдая и прижимаясь къ покойницѣ. Какъ скучно безъ тебя!»

— Тише, тише, Лизочка, мама услышитъ, не тревожь ее, она и то больна, сказала бабушка, притягивая къ себѣ дѣвочку.

— Бабушка, душечка, шептала плача Лиза, ужь я никогда не стану играть съ Лиличкой, никогда больше не увижу ее,

ужь Лили нѣту, говорила малютка, прижимаясь ко груди старушки и удерживая громкія рыданья.

Бабушка крѣпко прижала къ себѣ внучку, и давъ ей немного выплакаться, сказала вздохнувъ:

— Играть съ ней не станешь, и пока жива, на яву ее не увидишь! но, голубка моя, развѣ тѣхъ людей уже нѣтъ, которые ушли отъ насъ и не живутъ болѣе съ нами? Твоя Лили теперь не съ нами на землѣ, а въ небѣ, у Бога, но она тебя видитъ и слышитъ и любитъ лучше прежняго; она будетъ радоваться каждый разъ, какъ ты сдѣлаешь что нибудь доброе: удержишься ли отъ вспышки или лжи, поможешь ли кому въ трудѣ, забудешь ли чью обиду и проч.

— Бабушка, душечка моя, я очень рада дѣлать все, все, за что Лиличка меня станетъ любить.... Да какъ же Лили будетъ радоваться? стало быть она меня видитъ? Вѣдь она такъ высоко ушла, такъ далеко! говорила Лиза, взглядывая въ окно, на небо: — я тамъ ничего не вижу!

— Увидать этими глазками, сказала бабушка, цѣлуя Лизу въ глаза, ты не увидишь; пока душа живетъ въ тѣлѣ, то видитъ только одно тѣло, но когда сброситъ его, то будетъ видѣть не одно тѣло, но и души людей. Лили смотритъ на тебя и видитъ такъ, какъ видятъ тебя ангелы съ неба.

— Пустите меня, ня тоже, показите литинку; съ этимъ словомъ вбѣжала запоздавшая Софочка, запнулась, и растянулась блиномъ посереди комнаты; но плакать было некогда, вскочила и прямо черезъ Лизу къ бабушкѣ на колѣни: «Покази лити....» Она не договорила и уставила глазенки на умершую. «Это... это не литинька, это Лили, робко проговорила она, не совсѣмъ однако же довѣряя себѣ, потому что личико покойницы нѣсколько вытянулось и носикъ заострился.» — «Ахъ, Софа; закричало нѣсколько голосовъ, это уже не Лили, Лили пошла къ Богу, это ея тѣло, все равно какъ пустая личинка, безъ бабочки,» подсказала Саша. Софочка присмирѣла, она смотрѣла и думала: «это

не Лили, Лили ушла, а это тѣло, личинка, бабочка.» Эти три слова мѣшались въ маленькой головкѣ, и она не знала, какимъ именемъ назвать то прекрасное, что лежало передъ ней.

Изъ оранжереи принесли большое цвѣтущее дерево камелію, усыпанное бѣлыми цвѣтами съ алыми крапинами, и поставили въ головахъ дивана. — «Дѣти, срѣжьте для Лили по одному лучшему цвѣтку.» Всѣ бросились наперерывъ украшать головку ея, и бабушка, ободряя Зиночку, сказала: «а ты воткни цвѣточекъ свой въ вѣночекъ, посрединѣ!» — «Погляди, бабушка, точно три бѣлыя звѣздочки,» сказала Саша, любуясь вѣночкомъ. Между тѣмъ братецъ ея, посвоевольничавъ, настригъ цѣлую горсть цвѣтовъ и не зналъ куда съ ними дѣться; ихъ заткнули за кушачекъ, а остальные разбросали по платью.

— Миша, сказала старушка, возьми ручку покойницы, пощупай, какая она холодная и тяжелая, это всегда такъ бываетъ въ неживомъ тѣлѣ.

Миша взялъ ручку, развелъ ее, и подавая Сашѣ, говорилъ: «посмотри, Саша!» И всѣ дѣти принялись щупать и гладить Лилину ручку. Въ это время вошелъ какой–то господинъ съ ящикомъ, спрашивая: здѣсь прикажете? Бабушка хотѣла встать, но Софочка уцѣпилась за нее и не пускала отъ себя, говоря: «бабушка, я тозе хочу, и она посмотрѣла на покойницу, — бабуська дусичка, я тозе, какъ Лили хотю...» — «Что ты, къ Богу хочешь?» сказавъ: «Да, моя крошка, придетъ время — и тебя позоветъ Богъ, а пока дожидайся, будь умница, миленькая дѣвочка!» Съ этими словами старушка спустила ее съ колѣнъ и пошла толковать съ фотографомъ. Софочка знала, что миленькія дѣвочки, дожидаясь, сидятъ смирно; она взлѣзла на диванъ, усѣлась въ ногахъ покойницы; сложила руки и просидѣла такъ минутъ съ десять; соскучась наконецъ, она закричала: «бабуська скола?» А дѣти въ это время ничего не слыхали: они облѣпили камеробскуру. Немного погодя раздалось

громче: «скола ли?» Потомъ, чрезъ минутку Софочка закричала еще громче: «скола ли меня Богъ заклититъ?»

— Не знаю, Софочка, видно не скоро.

— Мнѣ мозьна пока къ нянѣ? — Дѣти засмѣялись.

— Можно, иди, играй, моя голубочка, сказала бабушка, цѣлуя ребенка. Софочка вперевалку пустилась въ дѣтскую.

— Ну, дѣтки, сказала бабушка, теперь я пойду, а вы хотите, тутъ играйте, хотите, идите въ залу, только не очень шумите около спальни.

Дѣти весь день весело играли и весело заходили посмотрѣть и поцѣловать тѣло сестрицы, а Софочка совсѣмъ, съ игрушками, перешла подъ камелію и разставила тамъ: собачку, кошку, пичужекъ въ клѣткѣ; попугая же она не любила, его спрятала за дверь, хотѣла и сама взлѣзть на кадку камеліи, но няня сказала, что барышни на кадкахъ не сидятъ, поэтому она сѣла на скамеечку, взяла пичужекъ и стала ихъ кормить листочкомъ, суя въ клѣточку, приговоривая: «кусай

позяласта!» Вдругъ она подняла на няню большіе голубые глаза, и наклонивъ нѣсколько головку на бокъ, сказала: «ня тозе, какъ Лили, пойду къ Богу!»

— Ты? нѣту, золотая моя, говорила няня, садясь около нее на полъ, нѣту, ты не уходи, будетъ и того, что Лили отъ меня ушла!

— Ня пойду, рѣшительно сказала малютка.

— Пойдешь! ну я стану плакать, говорила няня, закрываясь передникомъ; этого Софочка очень не любила, а потому припала къ ней и ну цѣловать ее и отыматъ передникъ отъ глазъ, утѣшая тѣмъ, что она пойдетъ послѣ, завтра, что означало въ понятіяхъ ребенка очень отдаленный срокъ. Въ сумерки бабушка застала Сережу въ ногахъ у покойницы; на колѣняхъ у него сидѣла меньшая сестра его, Мери, наша старая знакомка; она обвила шею брата одной ручонкой, склонясь къ нему головой, и полушопотомъ говорила: «да, Сережа я всегда буду тебя слушаться, чтобы, когда

помру, Богъ взялъ меня къ себѣ, гдѣ Лили, гдѣ всѣ добрые!»

Мирно и дружелюбно провели дѣти весь этотъ день; они, какъ настоящіе хозяева, встрѣчали посѣтителей, водили ихъ, показывали имъ покойницу, инымъ толковали, что самой сестрицы тутъ нѣтъ, что она ушла къ Богу рано утромъ, а это тѣло ея сброшено ею, какъ сбрасываетъ бабочка личинку. Чрезъ недѣлю фотографъ, принесъ прекрасную, отчетливую картинку, представляющую комнату всю въ цвѣтахъ, подъ большимъ цвѣтущимъ деревомъ; на диванѣ нѣжно покоится младенецъ въ вѣнкѣ, легкое бѣлое платье все усыпано цвѣтами. Эта картинка представляла умершую Лили, но въ ногахъ у ней, недумано–негадано, отпечаталась другая малютка, полная здоровья и жизни, съ задумчивымъ, чего–то ожидающимъ личикомъ: — это Софочка, которая, скрестя толстенькія ручонки, чинно и смирно дожидается призыва Господня.